

М.И. Матюшевская

МЕТОДЫ МИКРОИСТОРИИ И УСТНОЙ ИСТОРИИ В ИССЛЕДОВАНИИ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ ВЕТЕРАНА ВОЙНЫ МАТЮШЕВСКОГО ИОСИФА ИВАНОВИЧА)

Проблеме изучения событий Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в современной исторической науке посвящено значительное количество литературы. В частности, доктор исторических наук, заведующий отделом военной истории и международных отношений Института истории НАН Беларуси А. Литвин указывает, что белорусскими историками создано свыше десяти тысяч различных трудов (научных и научно-популярных книг, статей, напечатанных мемуарных свидетельств, сборников документов), защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций.¹

Анализ данной научной литературы, а также трудов, опубликованных на всем постсоветском пространстве, показывает: в качестве основных методов научного исследования в этих произведениях были взяты проблемный подход, комплексный анализ исторических источников, принцип историзма, историческая реконструкция, сравнительно-исторический метод, статистический метод, системный подход и структурно-функциональный анализ, аксиологический метод.

Например, при анализе проблемы партизанского движения в СССР традиционно рассматриваются этапы его развития, формирование руководящих структур и партизанских кадров, формы партизанской борьбы (диверсии, разведка, рейды), помощь партизан в проведении боевых операций Красной Армии,

¹ Литвин, А. Актывізацыя партызанскага фактару як складовай часткі савецкай стратэгіі вядзення вайны напярэдадні і падчас Сталінградскай бітвы 1942-1943 гг./ А. Литвін// журнал Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – №2. – С.4-12.

карательные действия гитлеровцев против партизан. Историческая реконструкция масштабов партизанского движения проводится на основе значительного статистического материала: указания роста численности партизанских отрядов, количества взорванных ими рельс, железнодорожных мостов, эшелонов, вагонов, цистерн с горючим, убитых, раненых и плененных партизанами немцев. Делаются оценки вклада партизан в победу над гитлеровскими захватчиками.²

В современных научных исследованиях Великой Отечественной войны, особенно приуроченных к ее юбилейным датам, доминирует анализ крупных событий «в большом пространстве». В то же время растет и интерес к микроистории – исследованию на основе изучения биографий рядовых участников войны, чья судьба была типичной для тысяч советских граждан. В отличие от традиционных методов, микроистория позволяет взглянуть на события под другим углом зрения. С ее помощью можно показать историю повседневности Великой Отечественной войны, ее гендерную историю, «тотальную» (по терминологии школы «Анналов») историю – историю человека определенного социального слоя, выступавшего в различных ролях (воина, гражданина, профессионала, мужа, любовника, отца).

Применительно к событиям Великой Отечественной войны, микроистория тесно связана с устной историей. Она позволяет восполнить пробелы мемуарной литературы, созданной в советское время. По оценке исследователей, эта литература прошла через мощный фильтр цензуры, насыщена идеологическими штампами, стремится убрать из повествования все личное, сделать акцент на общественно значимых событиях и оценках.³ Устная история наоборот уделяет личному много внимания. Исследователей интересуют мысли, чувства, переживания конкретного человека, описание событий через мелочи, которые врезались в его память.

Основные методы устной истории – беседа, интервью. Пальму первенства здесь держат журналисты. Именно они, а не профессиональные историки, на страницах периодических изданий сегодня активно обращаются к устной истории Великой Отечественной войны. Однако, как показывает исследовательский опыт автора данной статьи, короткая беседа или единичное интервью в исторической реконструкции оказываются мало продуктивными. Особенно сегодня, когда ветераны и участники войны уже далеко не молодые люди. Их рассказ требует постоянного уточнения, возвращения к беседе по мере исследовательской работы, перепроверки сведений на основе личного документального и фото-архива опрашиваемых. В ходе таких бесед устная история войны часто превращается в историю семьи.

² Бонвеч, Б. Советские партизаны в 1941-1944 г./ Б. Бонвеч// журнал Родина. – 2003. – №7. – С. 72-76.; Пятницкий, В.И. За линией советско-германского фронта/ В. И. Пятницкий// журнал Новая и новейшая история. – 2005. – №3. – С. 16-37.

³ Кнацько, Г. Дз. Мемуарная літаратура аб партызанскім руху на Беларусі ў 1941-1944 гг./ Г. Дз. Кнацько// Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства: Зб. артыкулаў. – Мн.: Бел. навука, 1999. – С. 53-74.

Вниманию читателей представляется фрагмент научной реконструкции истории семьи Матюшевых. Одним из исторических источников для этой реконструкции стали устные воспоминания Иосифа Ивановича Матюшевского – ветерана Великой Отечественной войны, награжденного орденом Отечественной войны I степени, нагрудным знаком «Отличный артиллерист», двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За победу над Японией», юбилейными медалями. На правах родственника автор данной статьи имела возможность с детства накапливать необходимую информацию, не единожды уточнять ее, а также слышать из уст рассказчика сведения, в которые посторонний человек вряд ли бы был посвящен. Результат научной работы частично уже был опубликован в сборнике воспоминаний «Живая память о войне»⁴ и одобрен ныне здравствующим 97-летним ветераном.

Жизненный путь Матюшевского И. И. описан также журналистами на страницах прессы города Орши.⁵

По воспоминаниям Иосифа Ивановича, Великая Отечественная война застала его в Орше. Осенью 1940 г. он демобилизовался из Красной Армии, где служил сержантом в Ярославском железнодорожном особо опытным войсковом полку, был командиром 45-тонного подъемного крана. В 1939 г. в Новоград-Вольнске (Западная Украина) на станции Ракитно этот полк строил деревянный мост, затем был переброшен на вторую станцию территории Финляндии, занятую советскими войсками, – Петиярве, а после окончания советско-финской войны отправлен в Бессарабию. В Бендерах на станции Рыбница полк строил мост через реку Днестр.

До армии Иосиф Иванович получил 7-летнее школьное образование и профессию слесаря-машиниста в витебском ФЗУ. Поэтому после демобилизации работал в вагонном депо на оршанской железной дороге.

О событиях Великой Отечественной войны ветеран вспоминает так. Я был обязан без повестки явиться в военкомат. Когда я выполнил это предписание, то получил бронь: железнодорожники требуются для проведения эвакуации. Попытка оставить работу расценивалась как дезертирство и измена Родине. Меня перевели в паровозное депо, и я с товарищами по семь суток дежурил без замены. Мы эвакуировали поезда в Россию. Последний поезд я эвакуировал с Лепеля.

Фашисты уже находились на подступах к Орше, и мы ждали, что советское командование пришлет за нами поезд. Однако этого не случилось. Город

⁴ Матюшевская, М.И. Дорогами войны (воспоминания Иосифа Ивановича Матюшевского)/М.И. Матюшевская//Живая память о войне. Воспоминания участников и свидетелей событий Великой Отечественной войны. В 2-х кн. Кн. 1 / сост. Ю.М. Бубнов, О.С. Маркасова, А.П. Костеров. – Могилев : УО «МГУП», 2012. – С. 59-70.

⁵ Шадрин, Л. Соль земли /Л. Шадрин// Аршанская газета - №3, 10 студзеня 2008 года; Шкураценка, С. Успамін пра вайну і перажытае/ С. Шкураценка // Аршанская газета - №34, 21 сакавіка 2000 года; Шурдукова, А. Не хочеш болей – дывігайся/ А. Шурдукова// Аршанская газета - №94, 15 жніўня 2009 года; Ярош, Г. Иосиф Матюшевский: всю жизнь на железной дороге/ Г. Ярош// Телеком-экспресс - №32, 11 августа 2011 года; Ярош, Г. Любовь и верность стальной магистрали/ Г. Ярош// Телеком-экспресс - №30, 29 июля 2010 года

пал, и новые власти переписали население. Железнодорожники под угрозой расстрела обязаны были явиться на работу в депо. Каждый работник получил свой документ – Ausweis. Ежедневно все обязаны были отмечаться в полиции. Дом, где это происходило, до наших дней сохранился на Садовой улице – это местное почтовое отделение. В случае саботажа и неявки человека всю его семью отвозили в район льнокомбината и без суда и следствия расстреливали.

Фашисты запрещали любые собрания. Окна в домах не должны были быть занавешенными. Патрульные по вечерам фонариками светили в окна в поисках «бандитов».

Я был лично знаком с начальником депо Орши К. Заслоновым, разговаривал с ним, но ничего не знал о его подпольной деятельности. Больше всего меня поразило то, что тот при немцах ходил в буденовке со споротой звездой и шашаком. О борьбе Заслонова я узнал только после его гибели. А вместе с ним в бою погиб и муж моей старшей сестры Яди – Юзик Семащук. Он был беженец от немцев, из Западной Беларуси. Ребенком потерялся: отстал от родителей. Подобрали его красноармейцы. Отдали в Орше в детский приют, где он и воспитывался. Получил профессию машиниста, женился. О его связях с Заслоновым я также ничего не знал.

Попасть в партизанский отряд из города было практически невозможно. Нужны были связи с партизанами и убедительные для немцев причины отсутствия. Я же никак не мог смириться с тем, что работаю на немцев. Все искал повод уйти от них.

Такая возможность представилась лишь в ночь с 3 на 4 мая 1943 года. Оршу постоянно бомбила советская авиация, а в эту ночь бомбардировка была особенно мощной. Дом, в котором жила наша семья, полностью сгорел. Меня объявили погибшим, а связь с партизанами помогла наладить моя жена, в девичестве Станислава Фаддеевна Хаецкая. До войны она работала учителем истории в Шклове и у нее оставалась связь с партизанами через своих бывших учеников. Сама она не могла, в случае ухода к партизанам, бросить на произвол судьбы своих родителей. А вот мне помогла. Я теперь всем рассказываю, что попал в партизаны «по блату».

Ночная майская бомбежка Орши 1943 года так напугала немцев, что они несколько дней не могли опомниться. Мы со Стасей беспрепятственно дошли из Орши пешком почти до самого Шклова. Нас остановили только в Александрии. На крыльцо крайнего дома выскочила русская переводчица и закричала: «Вы куда? В Шклов нельзя! Там партизанская зона! Ганс!». Появился Ганс. Я показал ему Ausweis и объяснил, что город бомбили. Я отведу беременную жену к ее родителям и вернусь назад на работу. Ганс пропустил.

В шкловском доме также были немцы. Две недели мне пришлось прятаться на сеновале. К жене приходили девочки-связные, расспрашивали, уходили куда-то, а я ждал. Затем пришлось пожить в деревне Тросна: шла партизанская проверка. Наконец, с декабря 1943 года я стал числиться рядовым бойцом 10-го отряда партизанской бригады «Чекист». Командиром моего отделения был Григорий Иванович Вербицкий, командиром бригады – Герасим Алексеевич

Кирпич. Вместе со мной в этой партизанской бригаде служил еще один Иосиф Иванович Матюшевский, 1922 года рождения. Наши отцы были троюродными братьями.

Дисциплина в бригаде «Чекист» поддерживалась строго. Партизаны в лесах были разные. Мы с чужими отрядами старались дела не иметь.

Когда я узнал, что у меня родился сын, которого в честь отца назвали Иосифом, то очень захотел его увидеть. Через связного мы договорились со Стасей о встрече. Она благополучно проехала все немецкие посты. Чтобы ее поскорей пропустили, незаметно щипала ребенка. Сын кричал, а Стася объясняла немцам: «Kinder krank!». Те понимающе пропускали: «Matka – gut!». Однако наша встреча так и не состоялась. Меня отправили на задание. Стасе с сыном пришлось вернуться домой.

То задание я выполнил успешно, но не всегда было так. В ночь с 27 на 28 мая 1944 года, накануне наступательной операции «Багратион», наш партизанский отряд организовал засаду возле железной дороги Могилев-Орша на станции Латва. Подрывники заложили мину. Взорвали поезд, в котором находилась артиллерия на тягловой лошадиной силе. В конце поезда был штабной вагон. Нам было приказано стрелять по его окнам, а затем взять немецкое боепитание. Пока фашисты не опомнились, мы ориентировались на фонарики, с которыми они бегали. Затем немцы открыли ответный огонь. У нас были проблемы с патронами, и фашисты сумели отбиться. Трех человек ранило, в том числе и меня.

Ранения были серьезные: одному бойцу перебили ноги, другому прострелили мочевой пузырь, у меня пуля прошла насквозь через легкие и вышла под лопатки, через диафрагму. Я не мог ни сидеть, ни лежать, ни стоять. А сразу отвезти в партизанский лагерь нас не могли. Трое суток нас прятали в болоте, пока работала разведка. Затем переправили через Друть. Боль была невыносимой. Во время движения я стоял на коленях, подбородком упираясь в телегу.

В лагере меня лечила военврач, капитан медицинской службы Кокина, еврейка по национальности. Для простоты мы называли ее Марией Ивановной. Она была очень хорошим врачом, и сделала все, чтобы меня спасти. Верила, что я поправлюсь. Когда прибыл самолет с Большой земли, меня отправили в госпиталь. Сначала обработали смоленские врачи, а потом на поезде перевезли в Москву. Там положили в госпиталь №5006. Это бывшая глазная больница имени Филатова.

Мои партизанские товарищи уже не надеялись увидеть меня в живых. Об этом они признались, когда много лет спустя после войны увидели меня на встрече бывших партизан. А врачи сказали, что я выжил благодаря тому, что никогда не курил. В нашей семье вообще никто не курил: ни мой отец, ни его родственники, ни мой брат, сын мой не закурил. Когда мне бойцы предлагали, я всегда отшучивался: «Бросил! Как родился так сразу и бросил!». Все смеялись и оставляли меня в покое.

Однажды в московском госпитале я заметил, что по утрам на тумбочке возле моей кровати стали появляться цветы. Оказалось, что их приносила медсе-

стра, красивая казачка Полина. У нее муж-танкист погиб на фронте. Она стала давать мне небольшие поручения, например, настругать тонких деревянных палочек. С их помощью раненые избавлялись от вшей, которые заводились под гипсовыми лангетами.

Мне нравилась Полина, запала в душу. Когда я выздоровел, она сделала мне предложение остаться вместе с ней в Москве. Обещала устроить на работу в госпитале: «Ты уже достаточно повоевал, а не согласишься – отправишься на передовую».

Я не смог бросить семью и ребенка. «Передовой я не боюсь» – ответил Полине.

10 дней я провел в Москве в Чернышевских казармах, а когда приехал «покупатель» с фронта, то назвался артиллеристом.

Азбуку Морзе я выучил еще юношей. После школы, перед учебой в витебском ФЗУ, я обучался на телеграфиста в ФЗУ станции Орша. Остальную артиллерийскую науку я постиг без особого труда. Быстро изучил все принадлежности, которые помогают артиллеристам вести стрельбу по целям, и попал в артиллерийскую разведку. Воевал в составе 3-го Белорусского фронта.

Победу я встретил в Кенигсберге. Бои на прусской земле шли кровопролитные. Убитых и раненых было много. Однако на этот раз судьба пощадила меня.

Как-то под Кенигсбергом наша артиллерийская батарея устраивалась на ночлег. Один молодой солдат: единственный сын у родителей, не так давно после школы призванный на фронт, – предложил мне как старшему более удобное место. Мне оно почему-то не понравилось. «Ты выбрал, где спать, ты здесь и ночуй» – ответил я ему. Когда проснулись утром, оказалось, что ночью во время немецкого обстрела на этого солдата упал нераззорвавшийся снаряд и убил его. Все остальные бойцы крепко спали и не пострадали, я в том числе.

На фронте в очередной раз мне довелось столкнуться с недоверием к себе со стороны спецслужб. Мой отец до революции имел в собственности хутор Сырицы с хозяйственными постройками, а потому рассматривался советской властью как «социально неблагонадежный элемент», хотя он и трудился всю свою жизнь механиком. Он самостоятельно изучил паровую машину, слесарное и токарное дело. В 1929 году мой отец – Иван Антонович, и старший брат – Мечислав, были арестованы по подозрению в «польском шпионаже». Они полтора месяца просидели в толочинской тюрьме. Их выпустили только после того как мать разыскала Красновского – товарища отца, и тот прислал справку об участии Ивана Антоновича в красноармейской обороне в годы революции.

В 1938 году, когда я служил в армии, мать в письме рассказывала, что ночью в наш оршанский дом постучались чекисты и спрашивали Ивана Антоновича. Когда она ответила, что он умер, чей-то голос в темноте злобно прошипел: «Эх, опоздали!».

Вскоре я стал замечать, что кто-то интересуется содержимым моих личных вещей, а через некоторое время меня самого вызвали на допрос. Особист задавал

вопросы о родственниках, о моей биографии. Помню, что в голове у меня зашумело и все поплыло перед глазами. Однако на этом расспросы закончились.

Теперь же, когда на фронте меня вызвали на допрос, особист интересовался: «А не родственник ли ты того Матушевского, который в составе польского правительства бежал в эмиграцию в Англию?» Я уже повоевал, посмелел. Ответил, что устава от подозрений, что меня уже проверяли партизаны, у которых я служил честно, фамилия у меня пишется по-другому, и покойный отец ничего о родственниках в Польше мне не рассказывал. Однако особист не унимался. Как только начинался обстрел, он куда-то исчезал, а в затишье появлялся и следил за каждым моим шагом.

В один из таких затишных дней особист позвал меня пройти с ним на соседнюю высоту. Я шел впереди, особист – сзади. «Куда и зачем он меня ведет?» – думал я и уже начал готовиться к самому худшему для себя исходу. И вдруг я услышал хлопок и крики особиста. У того оказалась раненой нога. Я помог раненому добраться до медицинской части, объяснил, что человек подорвался на mine. Но потом, вспоминая это происшествие, я догадался: все было иначе. Характер раны говорил о том, что мина здесь не виновата. Особист просто хотел уехать с передовой.

Еще до начала штурма Кенигсберга вышел указ Сталина о трофеях. Солдаты имели право брать до 10 килограмм, офицеры – до 20 килограмм. Нам почему-то вовремя о трофеях объявлено не было. Вопросом трофеев занимался штаб, и лично – Маргулис, Герой Советского Союза, командир истребительной противотанковой бригады, которая освобождала Оршу. На памятной стеле в центре города об этом есть запись, сверху 5-я. Так вот этот Маргулис заспорил с комиссаром, которому стало известно, что он снял с фронта 7 боевых машин и отправил их в тыл с трофеями для жены и любовницы. Комиссар доложил в Ставку в Москву. Маргулиса проверили, но звездочку Героя сначала не отняли. Нас выстроили в шеренгу, и Маргулиса публично разжаловали до майора, лишили должности командира. Дальше мы воевали без него.

Уже после войны, когда я работал бригадиром поезда на кавказском направлении железной дороги, мне довелось помочь с билетом одному офицеру. Он просил перевести его семью из общего вагона в купейный. Я выписал нужный документ. Офицер спросил, где я воевал, и рассказал мне про Маргулиса. Звания Героя его лишили уже после войны. Потом звание опять вернули, но Маргулис уехал жить в Израиль.

В 1947 году мне дали путевку в санаторий, в Кисловодск. Я пошел там смотреть музей войны и среди портретов Героев Советского Союза увидел Маргулиса. Думаю: «О! Привет, дорогой!». Но о том, что произошло с Маргулисом в Кенигсберге, в музее, конечно не рассказывали.

Не обходилось на фронте и без курьезов. Когда шли бои за Кенигсберг, был разрушен зоопарк Геринга. Животные разбежались по городу. Среди солдат поползли слухи, что Геринг держал невиданных по величине крыс – с густой шерстью, длинными хвостами и огромными желтыми зубами – таких же выродков, как и сами фашисты. Нас успокоили офицеры: «Славяне, не позорь-

тес! Это не крысы, а нутрии». Мы их никогда не видели, а потому приняли за крыс-мутантов.

В июне 1945 года мы возвращались из Кенигсберга. Нам сказали, что нас везут отдохнуть после боев вглубь России. Проезжали рядом с Оршей. Я отпросился повидать родных и впервые после долгой разлуки увидел мать, сестру и жену с сыном. Я попытался обнять мальчика, а тот оттолкнул меня от себя: «Уйди, дядя!» Сердце сжалось болью: «Сынок, я же твой отец!».

Женщины плакали, говорили, что нас везут на войну с Японией. Откуда они узнали по это? Мы, солдаты, не догадывались, а женщины знали. Все оказалось правдой. Полк, в котором я служил, отправился на Забайкальский фронт. Для меня война окончилась, когда Япония объявила о капитуляции. В запас я уволился 20 сентября 1945 года.

После войны с октября 1945 по сентябрь 1977 года Иосиф Иванович работал на оршанской железной дороге. Его трудовой стаж составил 44 года.

На пенсии Иосиф Иванович занялся возрождением в Орше костела св. Иосифа. В 1991-1993 годах он избирался председателем Оршанского общества римско-католической церкви. Сегодня Иосиф Иванович является членом Оршанской городской организации ветеранов и принимает активное участие в военно-патриотическом воспитании молодежи. За эту работу в июне 2011 года он был награжден почетной грамотой Витебского областного исполнительного комитета.